

Дзюсэцу бросила на Кошуна быстрый, оценивающий взгляд и, отступив на шаг, замерла. — Я благодарна тебе за птицу, — проговорила она, голос её звучал едва слышно, — ты очень помог мне. Слова благодарности прозвучали так тихо, что Кошун едва их различил. Он наблюдал, как Дзюсэцу, не оборачиваясь, делает шаг навстречу выходу, но вдруг её рука оказалась в его ладони. Она резко повернулась, встретившись взглядом с Кошуном, но тот лишь молча смотрел на неё, лицо его было непроницаемо, лишь едва заметная тень удивления скользнула по его чертам. — Что такое? — спросила она, в голосе её звучало легкое раздражение, — Разве странно, что я благодарю тебя? — Нет... — Кошун опустил взгляд, отпустил её руку, словно очнувшись от необычного состояния. — Я был удивлен, конечно, но... Это было освежающе. — Освежает... — повторила Дзюсэцу, потом, словно сама себе, добавила: — Я чувствовала себя, как кошка, которую никогда не любили, и вот, наконец, она почувствовала хоть какую-то привязанность. Ааа, ой, подожди! — она запнулась, потом с усмешкой продолжила: — Я тебя совсем не люблю, ни капельки, ни на йоту. — Понятно, тогда хватит. — Кошун кивнул, словно подтверждая её слова. — Что ты имеешь в виду под "сойдет"? Я... — Дзюсэцу начала было что-то говорить, но Кошун прервал её. — Протяни руку, — сказал он. — Что? — Дзюсэцу удивленно подняла брови. — Свою руку, — повторил Кошун. — Я отказываюсь, — ответила она, но он не дал ей возможности отказаться, сильно сжал её руку. В ладонь ей упало что-то небольшое, прохладное и гладкое. Дзюсэцу разжала кулак, в её руке лежала деревянная птичка, маленькая, изящная, с крошечными, искусно вырезанными перьями. — Что это за птичка? — спросила Дзюсэцу, внимательно рассматривая фигурку. — Это ивовая синица, — ответил Кошун, и его голос снова прозвучал странно конкретно, не оставляя места для каких-либо догадок. — Я бы хотел её нарисовать. Она похожа на вас. — ...Потому что она маленькая? — спросила Дзюсэцу, в её голосе звучала легкая насмешка. — Она маленькая и очаровательная, — ответил Кошун, и Дзюсэцу почувствовала, как в её груди зарождается неуютное ощущение. Она решила, что он говорит о птице. Но почему-то ей казалось, что в его словах есть какой-то скрытый смысл, что-то, что он не хотел озвучивать прямо. Как он мог подумать, что такая ворчливая и надоедливая девочка, как она, очаровательна? Дзюсэцу уставилась на ивовую синицу, рассматривая её с нескрываемым любопытством. Птичка была меньше свиристеля, но так же изысканно выполнена. Мелкие перья выглядели пушистыми, а слегка наклоненная шея придавала ей очаровательный вид. — ...Тот, кто учил вас резьбе по дереву, должно быть, был очень искусен, — проговорила Дзюсэцу, словно вслух размышляя о своих мыслях. — Видимо, он хотел стать мастером по изготовлению нефрита, — ответил Кошун, в его голосе прозвучала легкая грусть. — Он сказал, что если он работает руками, то ему не нужно ни с кем разговаривать. Дзюсэцу наклонила голову, гадая, к чему он клонит. Кошун с ностальгией посмотрел на ивовую синицу. — Тэй Ран был немым, — начал он, словно в раздумьях, в голосе его прозвучало какое-то особое чувство. — Он происходил из уважаемой семьи, но из-за невозможности стать государственным служащим его отдали на усыновление, а потом превратили в евнуха и за деньги отправили во внутренний дворец. После работы в Бюро по обслуживанию дворца его за честность перевели в Восточный дворец. Как моего смотрителя. Тэй Ран, который умело владел руками и мог хорошо сделать все, что угодно, похоже, быстро покорило сердце молодого Кошуна. — Он был веселым и непринужденным человеком, — продолжал Кошун. — Даже не разговаривая, я понимал, о чем он думает. Радует ли он, грустит или переживает. Может быть, это потому, что я все время был с ним. Глаза Кошуна по мере того, как он говорил, смягчались, но внезапно выражение его лица исчезло. — Тэй Ран умер, когда я был свергнут с престола и отправлен во дворец Гёсоу. В тот день он отправился в Управление садов и прудов во внутреннем дворце, чтобы попросить у них мальву. Это был сезон сбора мальвы, а маринованная мальва была одним из моих любимых блюд. Хотя я и сказал ему, что мне это не нужно, Тэй Ран только рассмеялся и вышел. Это был последний раз, когда я видел его живым. Когда он возвращался из канцелярии, его арестовали евнухи императрицы. Вдовствующая императрица знала, как я на него полагаюсь. Поэтому она ждала удобного случая, чтобы отнять его у меня. — Кошун сделал небольшую паузу, а потом

продолжил с тем же спокойствием, как и раньше: — Они повесили на него преступление — кражу мальвы — и замучили до смерти. Когда я прибежал туда, было уже поздно. Его труп, покрытый синяками от ударов палками и ранами от ударов и пинков, был похож на старую тряпку. Несмотря на жуткий характер его слов, манера говорить Кошуна была до жути спокойной. Она была спокойной, как поверхность воды без ветра, или, скорее, как тишина ночи. Словно непостижимое чудовище тихо дышало в глубине темноты. Дзюсэцу почувствовала, что она увидела отблеск тихой ненависти, которая таилась в его глубине. Его ненависть была голодной. Даже после казни вдовствующей императрицы этот голод не исчез. Чем тише он был, тем больше превращался в зверя, пожирающего глубины его сердца. — Ты помирился с Цзюцзю? — спросил Кошун, внезапно сменив тему. Он так неожиданно сменил тему, что Дзюсэцу на мгновение не поняла, о чем он говорит. Поняв, она ответила: — ...У нас не такие отношения, чтобы мириться друг с другом. Дзюсэцу не передала сипаотан Цзюцзю, и у них не было ничего похожего на разговор. Впрочем, они были консортом и сопровождающим, а не друзьями, поэтому не имело значения, помирились они друг с другом или нет. — Не стоит вести себя так жестко, — сказал Кошун, его голос звучал удивительно мягко, но в его словах прозвучала нескрываема ирония. — Это будет бессмысленно. Ты ведь хочешь дружить с этой девушкой? — Я никогда этого не хотела, — ответила Дзюсэцу, и в её голосе прозвучала твердость, не допускающая споров. — Даже если ты переживаешь, что обидел её? — спросил Кошун, его глаза внимательно наблюдали за ней. — Дзюсэцу попыталась ответить, но не нашла слов и закрыла рот. — У вас есть право нанимать или не нанимать обслуживающий персонал, — продолжал Кошун, его слова звучали словно не упрек, а констатация факта. — Даже если вы сами этого хотите, почему вы это отрицаете? Дзюсэцу прикусила губу, в её глазах мелькнуло недоумение. — Вы отталкиваете других людей из-за своих обстоятельств? — спросил Кошун, и в его голосе прозвучала легкая печаль. Он имел в виду тот факт, что она была последним оставшимся членом клана Ран. Дзюсэцу отвернула лицо от Кошуна. — Такова моя природа, — ответила она холодно, словно отгораживаясь от него невидимой стеной. — Твоя ложь не продлится долго, — сказал Кошун, его слова звучали спокойно, но в них прозвучала уверенность. — Ты не настолько хладнокровна, чтобы пробивать себе дорогу силой. — Что ты называешь... — Дзюсэцу не договорила, словно потеряв нить разговора. — Это потому, что ты — Супруг Ворона? — спросил Кошун, и в его глазах заблестели озорные искры. Дзюсэцу снова повернулась к Кошуну. — Что ты сказал? — спросила она, в её голосе прозвучало удивление. — Я спрашиваю тебя, не является ли причина, по которой ты должен отдаляться от людей, не в обстоятельствах, а в том, что ты — Консорт Ворона? — повторил Кошун, и в его словах звучала не просто загадка, а какое-то скрытое значимое послание. Дзюсэцу пристально вглядывалась в его лицо. — Как много этот человек знает? — промелькнуло в её голове. Не говоря ни слова, она отвернулась от него. — Дзюсэцу, — окликнул её Кошун. — Я не обязан отвечать на твой вопрос, и ты не имеешь права требовать от меня ответа, — ответила Дзюсэцу, не останавливаясь. Вот кем был Консорт Ворона. Она повернулась спиной к Кошуну и стала уходить. — Дзюсэцу, — снова окликнул её Кошун, но она, не останавливаясь, ответила только: — Что такое? — Ты должен помириться с ней, — сказал Кошун, и в его голосе прозвучала не просьба, а почти приказ. Дзюсэцу остановилась. Она подумала, не сказать ли: "Не твоё дело", но лишь молча отвернулась. — Когда они уйдут, будет уже поздно, — произнес Кошун эти слова тихо, но сильно. Дзюсэцу некоторое время пристально смотрела ему в лицо, а потом ушла. Вернувшись во дворец Ямэй, Цзюцзю протирала решетчатые окна. Поскольку ей нечем было заняться, она обычно убиралась во дворце днем. Увидев, что Дзюсэцу вернулась, она прекратила работу и поклонилась. — Я отправила жаворонка в рай, — сообщила она Дзюсэцу, и в её глазах заблестели искры радости. — Правда? Большое спасибо, — ответила Дзюсэцу, и в её голове зародилось ощущение легкого облегчения. Она почувствовала радость за Цзюцзю, увидев, как она счастлива. Казалось, что все жалобы на то, что сегодня он снова пойдёт один, были исчерпаны. Дзюсэцу опустилась на стул, а голос Кошуна прозвучал в её голове: — Ты должен помириться с ней. С самого начала их отношения были неловкими. Дзюцзю работала

лишь сопровождающей, а Дзюэцу, наоборот, не знала, как себя вести с прислугой. Но вот... — Я прошу прощения за вчерашнее, — произнесла Цзюцзю, удивленно остановив руки, готовые вскипятить воду. — Я слышала, что супруги дарят своим сопровождающим подарки. Поэтому я подумала, что должна подарить что-то и тебе. Я решила, что ты обрадуешься. Именно так. Она хотела сделать ее счастливой, видеть радость в ее глазах от того, что стала сопровождающей Дзюэцу. Глупость. — Няньтянь, — Дзюэцу опустилась на колени, широко раскрыв глаза от стыда. — Нет... тебе не за что извиняться. Я сказала то, за что заслуживаю наказания, за неуважение к слуге. Ни один слуга не должен спорить со своим господином. Даже госпожа Кугё меня отругала. Она сказала мне, что я не должна забывать свое место, ведь в Нианьяне все спокойно и привычно. По ее словам, она задавалась вопросом, когда же ее накажут или выгонят. — Я не такой впечатлительный человек. У меня никогда раньше не было прислуги, поэтому я многого не знаю. — Тогда, может быть, вы оставите меня здесь? — Вы хотите остаться здесь? — Это потому, что я беспокоюсь, как бы не оставить тебя одну, Няньтянь. — Дзюэцу подняла голову, ее взгляд был полон заботы. — Пока ты не пришел сюда, я все делала сама. — Я не об этом говорю. Няньтянь, тебе, наверное, одиноко, да? Дзюэцу моргнула: — ...Я никогда не чувствовал себя одиноким. — Это не может быть правдой. Я ничего не знаю о твоей ситуации, Няньтянь, но ты всегда выглядишь напряженным. Вы, должно быть, очень устаете каждый день. Ее слова поразили Дзюэцу. Эта девушка видела ее суть. Даже не зная ее, она понимала ее, просто находясь рядом. — Она права. Я устала. Я действительно устал. Но я не могу никому пожаловаться на это. Ее глаза стали туманными, она издала небольшой вздох: — ...Чай закипает. — О нет! Цзюцзю положила соль в чайник с горячей водой и размешала ложкой. Пар распространился, наполняя воздух ароматом чая. Дзюэцу закрыла глаза и вдохнула, спрятав дрожащие кончики пальцев в рукава. — Держи, Няньтянь, — Цзюцзю предложила ей чашку чая. Дзюэцу несколько мгновений смотрела на него, а затем принялась к теплоте и аромату. — Я знаю, что ты красишь волосы, Няньтянь, — Дзюэцу открыла глаза. — Но ни я, ни госпожа Кугю никогда никому не расскажем об этом. У тебя должна быть какая-то причина для этого. Поэтому здесь ты можешь быть более спокойной. Дзюэцу улыбнулась. Дзюэцу уставилась на чашку: — ...Спасибо. Дзюэцу протянула руку к чашке. — После этого количество вещей, от которых я не могу отказаться, увеличивается. Вместе с мягким теплом она почувствовала растерянность, словно к ее ногам был привязан тяжелый камень. Слои и слои цепей окружали ее тело. Чай, попавший в горло, был настолько теплым, что вызывал горечь. Кошун проснулся посреди ночи. Хотя он и проснулся, но до этого момента не спал крепко, а только дремал. Он дремал во сне. Кошун встал с кровати и посмотрел на занавески. Когда глаза привыкли к темноте, тонкие шелковые занавески показались ему смутно белыми. Однако... Он увидел тень по ту сторону занавесок и поднялся с кровати. Он раздвинул шторы и вышел наружу. Перед дверью в его комнату кто-то стоял. Это были два человека. Они просто стояли, не двигаясь с места. Так происходило каждую ночь уже некоторое время. Странно, но даже в темноте эти две фигуры четко выделялись. Это был признак того, что они не были обычными людьми. — ...Мать. Ран. Перед дверью стояли мать Кошуна и Тэй Ран. Кошун медленно подошел к ним. Однако ни один из них не сдвинулся ни на дюйм. Они стояли неподвижно, словно охраняя дверь. Вид у них был неважный. Его мать выкашливала изо рта огромное количество крови, ее одежда была окрашена в багровый цвет. Ее лицо было бледным. Она была убита ядом. Рядом с ней лежал Тей Ран, его одежда была разорвана и испачкана грязью и кровью. Его лицо, на котором всегда сияла мягкая улыбка, распухло и было испещрено красновато-черно-синими синяками от побоев. Кровь капала с его конечностей и падала на пол. Они вдвоем смотрели только на Кошуна. Он не испытывал страха перед ними. — Утром Кошун обнаружил, что лежит на своей кровати, а перед его дверью не осталось ни единого следа.